

Д.А. МОТОРКИНА (Тверь)

ИДИОЛЕКТ КАК ОРГАНИЗУЮЩЕЕ НАЧАЛО ПОНИМАНИЯ

The article considers theoretical aspects of the essence of the concept of idiolect. The author comes to the conclusion that understanding the specificity of an idiolect favours understanding a text.

Настоящая статья рассматривает теоретические рассуждения о сути идиолекта, а также о том, как понимание особенностей идиолекта способствует пониманию текста.

Одно из ключевых понятий, связанных с построением и пониманием текста – это идиолект. В данной статье мы рассмотрим понятие идиолект как необходимое для понимания художественных текстов.

Пониманием текста называют обращение опыта человека на текст с целью освоения тех частей его содержательности, которые не удается освоить путем привычных действий смыслового восприятия [1: 6-7]. При этом важно принимать во внимание тот факт, что понимание имеет место лишь там, где надо преодолевать затруднения.

Идиолект произведения как раз и строится на создании затруднений, а значит, нужен продуценту текста для создания новых смыслов, а понимание идиолекта служит пониманию реципиентом смыслов, создающихся в тексте, благодаря идиолекту. Как пишет Умберто Эко в своем введении в семиологию [4], мастер идиолекта – это тот, кто использует всем нам внятный код, но вносит в него столько оригинальности, факультативных вариантов, собственного почерка, сколько никогда не внесет в речь говорящий. Красочным подтверждением и одновременно объяснением будет известное высказывание о том, что быть поэтом – значит уметь разговаривать на языке, который еще не совсем сложился. Чтобы разобраться в противопоставлении «код – нарушение кода», дадим определение кода. Согласно Умберто Эко, код – это система, устанавливающая 1) репертуар противопоставленных друг другу символов; 2) правила их сочетания; 3) окказионально взаимооднозначное соответствие каждого символа какому-то одному означаемому. Следовательно, построение произведения на основе одного и того же кода приведет нас к понятию идиолекта. Последний характеризуется изоморфизмом всех уровней сообщения, где уподобления и расподобления ритмического порядка перекликаются с уподоблением и расподоблением на коннотативном, денотативном и т.д. уровнях. Возникает что-то вроде сети изоморфных соответствий, которая и составляет специфический код произведения, совокупность тончайше выверенных операций, направленных на дестабилизацию основного кода и созидание ситуации неоднозначности на всех уровнях. Расшатывание основного кода происходит на всех уровнях по одному правилу. Это правило, этот код произведения, по сути, и есть идиолект, определяемый

как особенный неповторимый код говорящего. Понимание таких правил нарушений, то есть трудностей, приведет нас к пониманию индивидуального кода произведения.

Интересным в этой связи становится утверждение Эко, о том, что целостный облик произведения можно угадать, даже когда оно не полно, разрушено, попорчено временем, а это означает, что код сохранившихся частей сообщения позволяет восстанавливать код отсутствующих частей, провидя их. Перед нами здесь встает задача по выявлению скрытого правила произведения искусства, его идиолекта, структурного рисунка, который проступает на всех уровнях. Поэтому возможна и полезна работа по интерпретации даже небольших дробей текста.

Поскольку одно из определений литературы называет ее системой, системно организованным языком [3: 355-369], то каждое произведение обладает своей системой, своим кодом, а значит, в нем уже присутствует некое количество правил. Так вот при определении идиолекта произведения речь всегда идет об увеличении, а не об уменьшении числа правил. Ц. Тодоров в доказательство этому приводит тот довод, что в любом «отклоняющемся от нормы» поэтическом высказывании всегда есть возможность восстановить нарушенное языковое правило, потому что оно было не столько отменено, сколько оспорено другим, новым правилом. Таким образом, мы приходим к мысли о том, что работа по выявлению идиолекта произведения является одной из техник понимания смысла этого произведения, так как направлена на преодоление непонимания, вызванного нарушениями основного кода. Отношения общих фактов к индивидуальному есть то, что делает возможным анализ последнего.

Важным является, как пишет Эко, что понятие идиолекта не противоречит идее неоднозначности сообщения. Неоднозначное сообщение располагает к перебиранию возможностей его интерпретации. Каждое означающее обрастает новыми смыслами, более или менее точными, уже благодаря не основному коду, который нарушается, но организующему контекст идиолекту, а также благодаря другим означающим, которые, пересекаясь, оказывают друг другу ту поддержку, которой им не предоставляет основной код. Так произведение безостановочно преобразует денотации в коннотации, заставляя новых означаемых играть роль означающих.

Произведение искусства рассматривается как сообщение-источник, как код-идиолект, как исходный пункт для ряда возможных интерпретирующих выборов. Интерпретация в результате опыта индивидуального прочтения расскажет о том, чем стало произведение. Для этого Г.И. Богин учил выявлять предпочтение тех или иных субституентов из потенциального их набора и обосновывать идейно-художественную мотивацию этих предпочтений в следующих областях:

- ритмика и другие фонетические и просодические средства;

- лексика (выбор по признакам: этимологическому, статистическому, тематическому, эвфоническому, словопроизводному, словосочетательному) и фразеология (по признакам: устойчивость, метафоризованность и др.);

- синтаксис (значащая длина предложений, характер грамматической связи, сложное синтаксическое целое, мера сложного подчинения и пр.);

- морфология (предпочтение личных/ неличных форм глагола и т.п.);
- соотношение текстообразующих тенденций:
- экспликационность/ импликационность,
- актуализация/ автоматизация,
- избыточность/ экономность,
- дистантность/ контактность,
- полифоничность/ монофоничность и др.;
- мера метафоризации, используемые фигуры;
- направленность рефлексии при метафоризациях (характер рефлексивного мостика при метафоризациях).

Как писал знаменитый американский писатель Уильям Фолкнер, у каждого писателя есть только одна история, которую он должен рассказать во что бы то ни стало. Эта история может быть названа личным мифом, собственным особенным способом рассматривать человеческий опыт, то есть целостностью авторского духовного видения мира. Часто одни и те же герои встречаются в разных романах Фолкнера, одни и те же ситуации переигрываются вновь и вновь. Хронология событий постоянно нарушается. Внимание писателя заостряется то на одном, то на другом, в зависимости от развиваемой темы. Для Фолкнера это одно из проявлений его индивидуального стиля.

Еще одной чертой фолкнеровского идиолекта являются длинные многоуровневые предложения, иногда прерывающиеся в середине повествования, а позже подхватывающиеся в середине очередной главы. Это способ передать поучительные, наставнические разговоры, философские размышления «наедине с собой», которые являются частью нашей жизни. Творчество У. Фолкнера как никакого другого писателя должно восприниматься в его единой целостности. Важным отличием идиолекта Фолкнера становится и ритм прозы. Если читать его тексты вне ритма, то неудивительным будет и впечатление чрезмерной, порой неразрешимой запутанности его предложений. Однако стоит включиться, вчитаться, и строчки втягивают тебя в мир, полный смыслов и значимости.

Итак запутанность синтаксиса, особый ритм прозы писателя, своеобразная композиция произведения с нарушением хронологии событий как раз и представляют собой своеобразные нарушения правил писателем, его личным кодом, его идиолектом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богин Г.И. Типология понимания текста. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1986. – 84 с.
2. Богин Г.И. Филологическая герменевтика. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1982 – 83 с.
3. Тодоров Ц. Семиотика литературы // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 355-369.
4. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: Симпозиум, 2006. – 544 с.

Ключевые слова: идиолект, понимание, смысл, текст

Key words: idiolect, understanding, meaning, text

Научная библиотека ТвГУ